

«Интуиция сияющей пустоты» в романе «Макс»
и поэтических сборниках «Свет за деревьями»
и «Море, сегодня» А.А. Макушинского

Леонид В. Дубаков

*Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай,
dubakov_leonid@mail.ru*

Аннотация. Цель статьи – проанализировать влияние буддизма на идейную составляющую и поэтику романа А.А. Макушинского «Макс» и стихотворных сборников «Свет за деревьями» и «Море, сегодня». В романе «Макс» главный герой следует путем духовного преображения. Целью этого пути является состояние, при котором реальность будет увидена как она есть – подлинной, т. е. пустотной, а не иллюзорной, скрытой за материей и разнообразными формами. Изображение иллюзорной реальности, порождаемой аффектированным человеческим сознанием, в романе связано с мотивами нечеткости, смешения, отсутствия. Персонажи и предметы в «Максе» обладают призрачным статусом. Герой приближается к искомому состоянию через стремление к «неподвижной точке», к присутствию в настоящем времени, к полной объективности, к чистой осознанности. Хронотоп романа отличается условностью: пространственные локусы «Макса» не имеют четких границ и похожи друг на друга, прошлое, настоящее и будущее перемешаны и стремятся в единую точку – здесь-и-сейчас. В поэтических сборниках, также как и в романе, присутствует, по выражению автора, «интуиция сияющей пустоты». Стихотворения А. Макушинского медитативны и настраиваются на улавливание буддийской пустоты и тишины, скрытых за словами и феноменами реальности.

Ключевые слова: А. Макушинский, буддизм, буддийские идеи, пустотность, иллюзорность, поэтика современной литературы

Для цитирования: Дубаков Л.В. «Интуиция сияющей пустоты» в романе «Макс» и поэтических сборниках «Свет за деревьями» и «Море, сегодня» А.А. Макушинского // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. Ч. 2. С. 245–257. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-245-257

“Intuition of the radiant emptiness” in the novel “Max”
and in the poetry books “The Light Behind the Trees”
and “The Sea, Today” by A. Makushinsky

Leonid V. Dubakov

*Shenzhen MSU-BIT University, Шэньчжэнь, Китай,
dubakov_leonid@mail.ru*

Abstract. The purpose of the article is to analyze the influence of Buddhism on the ideological component and poetics of A. Makushinsky's novel “Max” and poetry books “The Light Behind the Trees” and “The Sea, Today”. In the novel “Max” the protagonist follows the path of spiritual transformation. The goal of this path is a state in which reality will be seen as it is – genuine, that is, empty, and not illusory, hidden behind matter and various forms. The image of the illusory reality generated by the affected human mind in the novel is associated with the motives of fuzziness, confusion, absence. Characters and items in “Max” have a phantom status. The hero approaches the desired state through the desire for a “fixed point”, for presence in the present time, for complete objectivity, for pure consciousness. The chronotope of the novel is conventional: the spatial loci of “Max” do not have clear boundaries and are similar to each other; the past, present and future are mixed and tend to a single point – here-and-now. In poetry books, as well as in the novel, there is, in the words of the author, «an intuition of the radiant emptiness». A. Makushinsky's poems are meditative and are tuned to capture the emptiness and silence hidden behind the words and phenomena of reality.

Keywords: A. Makushinsky, Buddhism, Buddhist ideas, emptiness, illusory nature, poetics of modern literature

For citation: Dubakov, L.V. (2022), “ ‘Intuition of the radiant emptiness’ in the novel ‘Max’ and in the poetry books ‘The Light Behind the Trees’ and ‘The Sea, Today’ by A. Makushinsky”, RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series, no. 6, part 2, pp. 245–257, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-245-257

Образы и идеи буддизма присутствуют в русской литературе на протяжении минимум двух веков. Влияние буддийской философии и буддийской символики можно увидеть в произведениях классиков XIX в., рубежа веков, в советской и эмигрантской литературе. Особенно активно буддизм воздействует на современную отечественную литературу. В связи с этим в литературоведении появился термин «буддийский текст» [Бекметов 2018]. К создателям этого «буддийского текста» можно отнести в частности писателя Алексея Макушинского.

Одна из глав книги «Остановленный мир» (2018) А.А. Макушинского посвящена его первому роману, который называется «Макс» (1985–1994). По словам писателя, «В нем тоже предлагались решения, отчасти, наверное, дзенские (хотя ни о каком дзене речь впрямую не шла, автор не упоминал, герои не говорили), или дзенские постольку и так, как и поскольку я это понимал тогда; как-то связанные с <...> интуицией сияющей пустоты»¹. Как бы неуверенное высказывание автора относительно присутствия буддизма в «Максе», однако, опровергается фактически буддийским сюжетом романа, лейтмотивами, связанными с буддийскими понятиями, буддийской образностью.

М. Леско в рецензии «“Макс” Алексея Макушинского, или Новое имя в русской литературе» пишет, что этот роман воспроизводит «процесс экзистенциального взросления» [Леско 1998]. Представляется, что точнее было бы сказать, что роман «Макс» посвящен описанию пробуждения главного героя (в буддийском смысле). На протяжении всей книги Макс испытывает мучения от потери смысла существования, он пытается зафиксировать внутри себя некую «неподвижную точку», с которой можно увидеть мир как он есть: «стоит найти ее – и все стихает, все проясняется»², – мир внешний и внутренний: он «видел, и море, и облака, и свои же, показывая их кому-то, движения»³, которые оказываются независимыми от него. С этой «неподвижной точки» Макс «сам собою, срывался, падал – во вдруг образовавшуюся в нем пустоту»⁴, при фиксации «неподвижной точки» он видит, что мир появляется из пустоты и сам он в ней пребывает: «издалека и откуда-то, безучастно, ни в чем не участвуя, исчезая, сам, в пустоте»⁵. Главный герой романа стремится к присутствию – хочется добавить: «присутствию чистого состояния осознанности»⁶. Одновременно фиксация «неподвижной точки» для него связана с «ощущением присутствия»⁷ «призрачного другого»⁸ – «соглядатая наших мыслей»⁹ – и преодолением, отвержением этого другого.

¹ Макушинский А.А. Остановленный мир. М.: Изд-во «Э», 2018. С. 98.

² Макушинский А.А. Макс. М.: Мартис, 1998. С. 44.

³ Там же. С. 173.

⁴ Там же. С. 277.

⁵ Там же. С. 312.

⁶ Чогьял Намкай Норбу Ринпоче. Дзогчен – состояние самосовершенства. Кукушка состояния присутствия. СПб.: Шанг Шунг, 2001. 176 с.

⁷ Макушинский А.А. Макс. С. 285.

⁸ Макушинский А.А. Остановленный мир. С. 102.

⁹ Там же.

В книге «Город в долине» (2013) А. Макушинский также несколько раз возвращается к роману «Макс» и, как и позже в «Остановленном мире», предлагает авторские подсказки для его интерпретации. В свете этих подсказок «неподвижная точка», «призрачный другой», «природа» прочитываются не только с точки зрения дзен-буддизма, но и с точки зрения философии Э. Гуссерля: автор «Макса» предается попыткам «продлить в себе некую ясность, увидеть, совпадая с собою, как бы дорастая до себя самого, яснее – и еще яснее, мокрые, скажем, или, наоборот, обведенные снегом ветки зимних деревьев»¹⁰.

В целом образ Макса оказывается чрезвычайно важным для писателя. Он вспоминает о нем на протяжении всего своего творчества, причем говорит о нем в разных регистрах – от попытки серьезного объяснения его смысла до иронического отстранения. Так, в романе «Один человек» (2021) Макушинский, спустя годы, возвращается к образу Макса и дистанцируется от него, создавая комическую его версию. Рассказчик пишет, что Макс был ему смешон, хотя симпатичен. Макс, по его мнению, не «рассказывает» о дзене, а «болтает», «бормочет». Он для него «очкарик»¹¹, «круглоочкастый»¹². Вместе с тем рассказчик прислушивается к Максому совету в трудной ситуации. Не исключено также, что очки в данном случае выступают не только в качестве уничижительной детали, но и связывают героя с иллюзорной, стеклянно-зеркальной природой, отсылающей к буддизму.

Одним из главных способов обретения «неподвижной точки» для Макса в одноименном романе становится театр. Автор пишет пьесу, созданную для главного героя, и процесс репетиций и премьеры оказываются для него временем духовных открытий. Во время подготовки к спектаклю Макс занимается в театре-студии и, помимо прочего, получает возможность осознания своих внутренних и внешних движений. Театральная игра в «Максе» выглядит как медитативная практика, устремленная к безусловности: на сцене он «смотрел <...> откуда-то издалека, почти, конечно, отсутствуя, почти исчеза»¹³.

Другой способ обрести безусловность, «неподвижную точку» – это природный мир, деревья, которые пребывают в ином, внемысленном состоянии: «– И чего же они хотят от нас, эти разводы дыма, деревья в снегу? Они хотят, чтобы мы их увидели... <...> призыв

¹⁰ Макушинский А.А. Город в долине. М.: Эксмо, 2016. С. 42.

¹¹ Макушинский А.А. Один человек. М.: Эксмо, 2021. С. 43.

¹² Там же.

¹³ Макушинский А.А. Макс. С. 276.

их не умолкает, призыв их... да, призыв их звучит все настойчивее. К чему-то совсем иному, быть может...»¹⁴. Образ деревьев в этом романе – образ пустоты, стоящей за реальностью. В книге «Предместья мысли. Философическая прогулка» (2020) Макушинский цитирует, попутно вспоминая «Деревья» Н.С. Гумилева, стихотворение Лидии Бердяевой о деревьях, что «Говорят в своей безупречной / Тишине»¹⁵ о человеке и которые существуют за пределами познания. Герои «Макса» пытаются достичь необъектности: «это когда, пребывая в контакте с объектом, находимся в стороне от объекта»¹⁶.

В финале романа автор и Макс отправляются на велосипедную прогулку, и им почти открывается реальность в ее незамутненном виде: «И так тихо было вокруг, такая неподвижность во всем, такое безмолвие в воздухе, что (подумал я...) – вот, еще немного, еще одно какое-нибудь, совсем крошечное, быть может, усилие – и все это исчезнет, исчезнет»¹⁷. Автор не выдерживает напряжения: «подойдя к велосипеду (лежавшему у обочины...), толкнул, я помню, переднее (повисшее в воздухе...) колесо: колесо завертелось – мир снова ожил»¹⁸. Образ колеса, сопутствующего образу мира, вызывает мысль о сансаре – реальности в омраченном видении. Образ ветра: «Лишь легкий ветер; лишь тихий, совсем тихий шелест колосьев»¹⁹, – который может остаться после предчувствованного усилия для преодоления привычной реальности, – напротив, может быть истолкован как образ нирваны. В романе герои кружат в пространстве, как в сансаре, «сближаясь, расходясь, догоняя друг друга»²⁰, кружат электрички, и автору кажется, что он видит и слышит «их сразу все»²¹, Макс блуждает, и для него «все повторялось, кружилось; повторялись улицы, переулки; проходы, арки, дворы»²².

¹⁴ Там же. С. 55.

¹⁵ Макушинский А.А. Предместья мысли: Философическая прогулка. М.: Эксмо, 2020. С. 150.

¹⁶ Алтарная сутра Шестого Патриарха: Маха-пруджняпарамита сутра самой высшей махаяны мгновенного учения южной школы (на русском и китайском языках) / Пер. с кит. А.В. Волкотрубова. Чита: Экспресс-изд-во, 2017. С. 50.

¹⁷ Макушинский А.А. Макс. С. 332–333.

¹⁸ Там же. С. 333.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 9.

²¹ Там же. С. 26.

²² Там же. С. 48.

Сансарический мир, изображенный в «Максе», ненадежен, иллюзорен, транзитивен [Хромова 2019, с. 14]. Автор говорит или показывает, и сразу же отменяет сказанное или показанное или обозначает что-то, что противоположно ранее написанному. Макс смотрит «на горящую, потом погасшую спичку»²³; ветви дерева «разбегаются в разные стороны и в то же время переплетаются»²⁴; волна «набежала, помедлила, отступила»²⁵; море появляется среди лесов и холмов, «сливаясь с ними, отделяясь от них»²⁶; «неподвижная точка» «есть – ее не было»²⁷. В самом начале книги Макс «поворачивает обратно», не дойдя до дачи Сергея Сергеевича и оставив для себя в прошлом театр и спектакль.

Мир «Макса» характеризуется невидимостью, отсутствием, призрачностью, он отражается, колеблется, дрожит. У этого мира зеркальная природа: «Был весенний, влажный, в просветах и проблесках (лужах, облаках, отражениях, сквозняках и скважинах...) день; стекла машин, окна домов загорались, вспыхивали на солнце; тяжелые капли, стекая с карнизов, с гулким отзвуком падали на асфальт»²⁸. В приведенном предложении присутствует высокая концентрация не описанных подробно, но поддающихся воображению оптических искажений. Чаще всего в романе «Макс» пейзаж размыт, потому что на улице плохая погода, так же затрудняющая восприятие реальности: дерево в дымке, дерево уплывает в тумане, идет дождь, падает снег.

Призрачным статусом обладают так или иначе почти все герои романа. Персонажи «Макса» видят себя в ночных оконных стеклах: «В окне была ночь, далекие огни, внезапная станция, отражения наших лиц»²⁹. Лиза и Фридрих гуляют, и «отраженья их двигались вместе с ними»³⁰. Билеты автору и Максусу протягивает «рука невидимой кассирши»³¹. Макс оказался на веранде Сергея Сергеевича «смутной тенью»³², он стоит в поезде «с проплывавшим сквозь деревья лицом»³³. Вера «раздваивается» («Вера, как

²³ *Макушинский А.А.* Макс. С. 7.

²⁴ Там же. С. 18.

²⁵ Там же. С. 26.

²⁶ Там же. С. 85.

²⁷ Там же. С. 47.

²⁸ Там же. С. 247.

²⁹ Там же. С. 7.

³⁰ Там же. С. 163.

³¹ Там же. С. 293.

³² Там же. С. 227.

³³ Там же. С. 32.

будто выступив из собственных своих очертаний, оказалась кем-то совсем иным, совсем незнакомым, – и призрак ее исчез безвозвратно»³⁴): у Фридриха оказываются Верины глаза. У Перова «призрачный, откуда-то, издавека, всплывающий в пьесу голос»³⁵. Лиза выступает «в сумерках, из собственных своих очертаний»³⁶. Сергей Сергеевич раздваивается «между своей ролью в пьесе и этой же ролью в жизни»³⁷.

То же касается и предметов – конкретных и абстрактных: «Темнота уводит куда-то в сторону, смешивает предметы, превращает лес в замок, изгиб дороги делает деревом»³⁸; «Отступая в прошлое, события и вещи меняют свою природу; очертания их кажутся воздушными, легкими»³⁹ и т. д.

Люди и мир вокруг них подвергаются автором разотождествлению с их именами и названиями: «мир названий разбился»⁴⁰. Алексею Ивановичу «решительно не подходило»⁴¹ его имя. Названия предметов субъективируются: «я зашел, на обратном пути, в ту (как он называл ее...) – совсем рядом с моим домом – *мансарду*»⁴²; *автор обнаружил Макса* «в так называемом тамбуре»⁴³. Автор постоянно оговаривается, использует большое число вводных слов, сомневается в природе создаваемого текста: он приближается «к осуществлению истории (если это история...) – <...> собственному, если угодно, роману»⁴⁴. Существование реальности в романе оказывается зависящим от субъекта восприятия: «ни мне, ни Макс, неведомой, и значит, не существовавшей еще деревушке»⁴⁵, Фридрих бросает «спичку во вполне неожиданно возникшую на столе, Максом, во всяком случае, не замеченную до сих пор пепельницу»⁴⁶.

Специфика реальности романа «Макс» описана в диалоге Алексея Ивановича и автора, и это описание напоминает положения буддийского учения Праджняпарамиты, Совершенства Мудрости

³⁴ Там же. С. 149.

³⁵ Там же. С. 159.

³⁶ Там же. С. 163.

³⁷ Там же. С. 273.

³⁸ Там же. С. 7.

³⁹ Там же. С. 9.

⁴⁰ Там же. С. 76.

⁴¹ Там же. С. 70.

⁴² Там же. С. 16.

⁴³ Там же. С. 32.

⁴⁴ Там же. С. 29.

⁴⁵ Там же. С. 54.

⁴⁶ Там же. С. 57.

(концепты некорректно отражают реальность, реальность не существует в абсолютном смысле [Терентьев 1989, с. 4–22]):

- Простейшие слова утратили свое значение.
- Простейшие понятия не совпадают сами с собою.
- Названия ничего не в силах назвать.
- Явления ничего не являют.
- Формы – бесформенны⁴⁷.

При этом, хотя автор говорит о реальности вне концептов, он одновременно пытается найти подходящие слова для ее выражения: деревья «хотят, может быть, превратиться во что-то иное, – в слова и фразы, к примеру, – в эпитеты, например, и сравнения, – в подъемы или, наоборот, падения ритма»⁴⁸. Как и в романе «Остановленный мир», А.А. Макушинский решает проблему адекватного художественного высказывания в пространстве буддийского восприятия реальности.

Автор и Макс смотрят на реальность, как будто пребывая в медитации. Мир неспешно осознается ими в отдельности его проявлений – в его визуальном, звуковом, тактильном аспектах. Автор чувствует и фиксирует реальность в ее деталях и в своих от нее ощущениях: «Я постоял у калитки, держась за нее руками; я вспоминаю теперь это ощущение мокрой древесины под ладонями, неровной и трудной; мелких капель, навсегда остающихся на пальцах»⁴⁹.

Как и в романе «Остановленный мир», в «Максе» сложная структура хронотопа. Время «воспринимается писателем как нечто дискретное. Жизнь героев романа состоит как бы из относительно независимых, логически завершенных отрезков бытия, хронологический порядок которых автор сознательно нарушает, перекидывая читателя из одного периода в другой, создавая тем самым ощущение некой одновременности» [Леско 1998]. Эта одновременность свидетельствует о буддийском взгляде на время и пространство: отдельные топосы и временные отрезки конвенциональны, или иначе – в абсолютном смысле их не существует: «...я чувствую окружающее меня пространство <...> чувствую, как оно растягивается, разбегается в разные стороны, стремится вдаль,вширь, ощущаю в самом себе его растяжение, – напряжение, – пафос дистанций и расстояний, и уже засыпая, я провожу в нем линии, вычерчиваю узоры, соединяя далекое и близкое, уже бывшее и еще только име-

⁴⁷ Макушинский А.А. Макс. С. 117.

⁴⁸ Там же. С. 84.

⁴⁹ Там же. С. 9.

ющее быть»⁵⁰; «времена <...> не просто переходят друг в друга, но (разделенные своей природой, своей окраской, звучанием, значением и смыслом...) так странно меняются местами, что более раннее оказывается вдруг ближе к нам, чем более позднее, позднейшее же отдаляется, отделяется от нас самих, отступает»⁵¹; «все это мы видим в последний раз... наверное; может быть... в последний раз, как будто впервые»⁵². По словам Е.И. Воробьевой, Макушинский в «Максе» «создает художественную феноменологию настоящего. Настоящее связывается с состоянием особенной ясности, собранности, ухода внутрь своего “я”» [Воробьева 1998, с. 213].

Поэтическая книга А.А. Макушинского «Свет за деревьями» (2007) также наполнена ощущением «интуиции сияющей пустоты», о которой говорит писатель применительно к роману «Макс». В этом сборнике она выражена в том числе и в заглавном образе. Егор Радов в рецензии «Жажда света» пишет, что в этом сборнике «Автор как будто гипнотизирует читателя медитативным описанием того или другого, а потом вдруг – раз! Словно удар палкой дзенского патриарха по лбу любопытствующего» [Радов 2008, с. 193].

Действительно, в «Свете за деревьями» сам принцип письма вызывает мысль о буддийском подходе. Но также в этом сборнике есть несколько стихотворений, буддийские идеи и образы в которых присутствуют зримо. В стихотворении «Будда (I)» поэт создает образ буддийской пустоты за иллюзорными формами. Будда в виде статуэтки в руках у девушки, которая едет в метро, оказывается сразу всем и никем, ничем, будучи воплощен в металле и растворен в мире. Будда исполнен жалости к живым, которые едут в метро, «под землей, в никуда, / в навсегда»⁵³. Выражение «под землей» здесь, кроме прочего, вызывает мысль о смерти, которая в стихотворении является одним из главных мотивов. Пассажиры, включая героя, сидят «лицом друг к другу, пустота к пустоте»⁵⁴, не осознавая иллюзорности своего существования, в абсолютном смысле, в круге сансары, метафорой которой является здесь метро, и тем не менее одновременно в относительном смысле существуя: «и мы все были в этом вагоне, и никого из нас не было в нем»⁵⁵.

Стихотворение «Будда (II)» продолжает тему путешествия Будды сквозь время и пространство. Индийский принц выходит из

⁵⁰ Там же. С. 7.

⁵¹ Там же. С. 156–157.

⁵² Там же. С. 37.

⁵³ Макушинский А.А. Свет за деревьями. СПб.: Алетеия, 2007. С. 22.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 21.

дворца и оказывается в нашей современности: «Ничего еще не было, нет еще. // И что будет, неважно»⁵⁶. Время относительно и в абсолютном смысле не существует, оно «уходит <...> никуда, ниоткуда»⁵⁷. Будда жалеет мир, «искаженный своим страданием»⁵⁸. Волны (бытия) «ударялись о сваи пристани»⁵⁹, фактически постепенно разбивая налаженную человеческую жизнь, но за страдающим миром существует «интуиция сияющей пустоты», представленная «огромной тишиной <...> вздохом, вестью воздуха»⁶⁰. Е.В. Абдуллаев иронизирует по поводу этой тишины, упорядоченного и беззвучного мира «Света за деревьями»: «Тихий Будда, появляющийся в книге дважды, аккуратно пронумерованный римскими цифрами: Будда I, Будда II... Принц Гэндзи – в стихотворении про франкфуртский поезд. Ми(но)рный бюргерский буддизм» [Абдуллаев 2008, с. 218]. При этом для А. Макушинского эта тишина не только один из стихотворных образов, но и состояние, связанное с процессом творчества.

В стихотворении «И даже не то удивительно, что я сам...» возникает образ непостоянного человеческого «я». Герой удивлен тем, что он называет «себя собою»⁶¹, вспоминая себя в детстве, и также – невысказанной мысли, родившейся еще тогда, когда он прислушивался к «издалека нараставшему шуму другого поезда»⁶². Поезд, приближение которого аллитерировано шипящими, может быть истолкован здесь как образ других жизней человека, формирующихся в каждый момент настоящего. В стихотворении «Здесь, на холмах, где камни...» человек в абсолютном смысле не существует: «я сам не / есмь», – он лишь «просвет // пустоты»⁶³; граница между субъектом и объектом условна: «Я вижу эти / ветви или они, / в этом летящем свете, // видят меня, не зная, / что видят меня»⁶⁴. Стихотворение “*Ut pictura poesis*” содержит буддийскую идею о достижении истинной реальности, до которой «мы не дойдем никогда» и которая одновременно «всегда уже с нами»⁶⁵.

⁵⁶ Макушинский А.А. Свет за деревьями. С. 58.

⁵⁷ Там же. С. 37.

⁵⁸ Там же. С. 58.

⁵⁹ Там же. С. 59.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 12.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 51.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 15.

Образ буддийской пустоты появляется также в другом сборнике А. Макушинского – «Море, сегодня». В стихотворении «В дзен-буддистском монастыре...» герой описывает ситуацию возвращения в знакомый ему ретритный центр. За счет многочисленных анжамбеманов: в монастыре, где «...я провел / немислимую неделю, по ту / сторону мыслей – все // как было»⁶⁶, – создается образ смещенной реальности, по ту сторону привычного восприятия. В контексте стихотворения прилагательное «немислимый» приобретает несколько дополнительных значений: не только словарное «невероятный», но и то, что невозможность адекватно осмыслить, и то, что находится за пределами мысли как таковой: «Безмыслие – это когда, пребывая в мыслях, не имеем мыслей (не увлекаемся мыслями)»⁶⁷.

Медитирующие люди, которых герой характеризует как «Пятнадцать, / примерно, Будд», присутствуют в монастыре и одновременно отсутствуют в нем в абсолютном смысле: «кто-то, похоже, был / внутри, но не было никого»⁶⁸. Интересно, что наречие «примерно» здесь может относиться как к числительному, так и, что точнее и справедливее, к существительному, которое обозначает статус практикующих. Отсутствие людей подчеркивается образом стоящей обуви, вместо владельцев ботинок и туфель, мужчин и женщин, – пустота. Образ пустоты создается также посредством умножения отрицания. Так, в одном коротком предложении используются четыре отрицательных частицы: «Ни звука / не было ни внутри, // ни снаружи»⁶⁹. Герой, в отличие от тех, кто медитирует, безусловно существует, обладает однозначным «я»: «Я все-таки / заглянул...»⁷⁰, «...так // я подумал...»⁷¹. Подчеркивая «я», автор снова пользуется анжамбеманами. Соприкосновения героя, «я», с монастырем завершается тем, что он уезжает. Он не совпадает с пустотой, тишиной, безмыслием центра: в последней строфе он «подумал», – и оставил тишину позади.

Роман А.А. Макушинского «Макс» – роман, в содержании, в мотивной структуре которого присутствуют буддийские идеи и мотивы. Главный герой и автор идут по пути духовного преображения, пытаются увидеть мир как он есть, его пустотность в противовес его иллюзорности, порождаемой омраченным человеческим созна-

⁶⁶ Макушинский А.А. Море, сегодня. М.: Воймега, 2011. С. 63.

⁶⁷ Алтарная сутра Шестого Патриарха... С. 50.

⁶⁸ Макушинский А.А. Море, сегодня. С. 63.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 64.

нием, «страшась конкретного», стремятся к «трансцендентальной ясности»⁷². Метафорой некорректного восприятия реальности оказывается мир, пребывающий в неясности, нечеткости, смешении, в плену концептов, мир, зависящий от наблюдателя. Приближение к пробуждению главного героя оказывается возможным благодаря поиску им «неподвижной точки» в самом себе, развитию способности «К сознанию себя и к сознанию сознания»⁷³ и достижению состояния покоя, что противоположно сансарическому мучительному хаосу. А.А. Макушинский в этом романе исходит из идеи «абсолютной Книги», о которой он говорит в эссе «Идея книги» (сборник «У пирамиды»). Такая книга подобна буддийской Пустоте. Писатель вспоминает, что в его ранних прозаических опытах его удручала случайность, что он уходил от субъективного. Иными словами, роман «Макс» оказывался буддийским уже в задумке, в мечте автора об идеальной книге. В поэтических сборниках А. Макушинский также обращается к поиску «интуиции сияющей пустоты», скрывающейся под оболочкой обыденного мира. Его стихотворения отличает медитативное настроение и обнаружение подлинной буддийской пустотности и тишины за формами и звуками.

Литература

- Абдуллаев 2008 – *Абдуллаев Е.В.* Дом для мастера // Дружба народов. 2008. № 11. С. 217–218.
- Бекметов 2018 – *Бекметов Р.Ф.* Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Редакционно-издательский центр “Школа”», 2018. 328 с.
- Воробьева 1998 – *Воробьева Е.И.* Марсель и Обломов // Новый мир. 1998. № 7. С. 211–215.
- Леско 1998 – *Леско М.* «Макс» Алексея Макушинского, или Новое имя в русской литературе // Новый взгляд. 1998. № 17. 30 мая. URL: <http://www.newlookmedia.ru/?p=8935> (дата обращения 27.06.2022).
- Радов 2008 – *Радов Е.* Жажда света // Зарубежные записки. 2008. № 14. С. 193–194.
- Терентьев 1989 – *Терентьев А.А.* «Сутра сердца Праджняпарамиты» и ее место в истории буддийской философии // Буддизм: История и культура. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 4–22.
- Хромова 2019 – *Хромова Е.О.* Полилингвальность в современном литературном дискурсе: на материале романов А.А. Макушинского и В.Г. Зебальда: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2019. 23 с.

⁷² *Макушинский А.А.* Город в долине. М.: Эксмо, 2016. С. 56.

⁷³ Там же. С. 229.

References

- Abdullaev, E.V. (2008), "House for the master", in *Druzhba narodov*, no. 11, pp. 217–218.
- Bekmetov, R.F. (2018), *Russkaya literatura i buddiisko-daosskii Vostok (problemy dialoga)* [Russian literature and the Buddhist-Taoist East (issues of dialogue)], *Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Redaktsionno-izdatel'skii tsentr 'Shkola'"*, Kazan, Russia.
- Khromova, E.O. (2019), "Multilinguality in modern literary discourse. On the novels of A.A. Makushinsky and V. Zebald", Abstract of Ph.D. (Philology) dissertation, Ekaterinburg, Russia.
- Lesko, M. (1998), " 'Max' by Alexei Makushinsky, or a New name in Russian literature", in *Novyi vzglyad*, no. 17, 30 May, available at: <http://www.newlookmedia.ru/?p=8935> (Accessed 27 Jun. 2022).
- Radov, E. (2008), "Thirst for light", in *Zarubezhnye zapiski*, no. 14, pp. 193–194.
- Terent'ev, A.A. (1989), "The Prajnaparamita Heart Sutra and its place in the history of Buddhist philosophy", in *Buddizm: Istoriya i kul'tura* [Buddhism: History and Culture], Moscow, Russia, pp. 4–22.
- Vorob'eva, E.I. (1998), "Marcel and Oblomov", in *Novyi mir*, no. 7, pp. 211–215.

Информация об авторе

Леонид В. Дубаков, кандидат филологических наук, доцент, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай; 518172, Китай, Шэньчжэнь, район Лунган, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1; dubakov_leonid@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1172-7435

Information about the author

Leonid V. Dubakov, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China; bld. 1, Gotszidasyueyuan' St., Longgang District, International University Park Road, Shenzhen, China, 518172; dubakov_leonid@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1172-7435